

Джо ПЕШИ: *Возврат - 1992 - 30 июля - с 6*

«БИТЬ ПЕРВЫМ...»

Джо Пеша, взошедшая звезда Голливуда, известен нашим кинозрителям по многим своим работам. Среди них можно выделить до колки смешного злодеша в «Один дома», аспльчивого гангстера в «Хороших парнях» (за эту роль Пеша был удостоен «Оскара» в 1990-м), нахального адвоката в «Моем кузене Винни», гомосексуального агента ЦРУ в нашумевшем «Дж. Ф. К.» и эксцентричного дельца в «Смертельном оружии-2». Пеша — 49 лет, и он недавно сменил третью жену. А еще он дал интервью журналу «Плэйбой», прокомментировав свою жизнь, фильмы и окружающий мир.

«Плэйбой»: Вам пришлось бороться за успех в вашей артистической карьере. Вы дебютировали в 1979-м в фильме «Собираетел смерти», который стал неким культовым хитом. Но много лет после этого вы сидели без работы и бедствовали. Чему вас научила бедность?

Джо Пеша: Никогда не искать помощи у других. Главное — ни от кого не зависеть. После «Собираетел смерти» я не мог найти агента: не было предложений. Я жил в квартире друга в Лас-Вегасе и работал каменщиком. Это были тяжкие времена. Помнится, я сильно простудился. Мой друг с женой были в отъезде, и я был один дома. Головы не мог поднять. Я буквально доползал до ванной. В конце концов я вызвал такси и попал в приемное отделение больницы. У меня не было ни денег, ни врача. Я спрашивал себя: «Где все те женщины, которые когда-то клялись, что любят меня?». Я был совсем один. Я был зол на весь свет. Когда же начал поправляться, я сказал себе: «Никогда больше ни у кого ничего не проси. Сам бери, если что-то нужно». Я знаю, что это достаточно резкая позиция. Но как я тогда был зол!

«Пл.»: Но все же вам помогли. Вы работали в ресторане в Бронксе, когда Роберт де Ниро позвонил вам насчет роли Джоя в «Яростном быке» Мартина Скорсезе. Эта роль и принесла вам известность. Как часто вы шли на компромиссы в своей карьере?

Д. П.: Шоу-бизнес превращает женщин в шлюх, мужчин — в педиков. Потому что ты продаешь себя с потрохами и становишься куском дерьма для окружающих. В один прекрасный момент нужно не бояться сказать: «Да пошло оно все! Я не хочу быть вежливым, когда этого не требуется. Если кто-то кретин, то с ним и обращаться надо, как с кретином. Независимо от его положения». Когда я выбрался из Бронкса, мне было на все наплевать. Если режиссер или продюсер мне что-то резко выговаривает, я смотрю ему в глаза и говорю: «Да ты с кем так разговариваешь, мать твою!».

«Пл.»: Вы очень часто играли «крутых парней». Где вы научились драться?

Д. П.: Я вырос в маленьком городке Нью-арк. Там все дрались. Я не был неженкой, но не был и особо крутым. Уж лучше подраться и быть побежденным, чем потом ночью в постели сожалеть, что не ответил обидчику. Если видишь, что драки не избежать, надо уметь защитить себя. Бить первым, бить сильно и не останавливаться, пока противник не упадет. Если ты хочешь со мной драться, какие здесь могут быть правила? Я бью, я пинаюсь, я кусаюсь, я вырываю тебе волосы клочьями, хватаю тебя за нос — возможны варианты.

«Пл.»: Не кажется ли вам, что фильм «Хорошие парни» выражает ностальгию по организованной преступности?

Д. П.: Я не мафии в своей жизни боюсь. В наши дни уличные шайки всех мастей доминируют над людьми. Они вас никогда не предупредят о своем приходе. А гангстер предложил бы вашей жене стул и заказал бы вам выпить. Они были вежливыми, даже милыми в своем роде. Вот Томми вроде психопат, а он не стал бы грабить в метро вашу мать-старушку. Нет, гангстеры играли по другим правилам. Друг с другом, между собой. У них был свой кодекс чести.

«Пл.»: А как насчет тех времен, когда мужчины были мужественней? Например, к вашей девушке кто-то пристает, а вы ему — по морде.

Д. П.: Я всегда восхищался такими людьми. Настоящие мужчины. И многим женщинам это нравится. Они, правда, не должны провоцировать все эти драки, а они это очень любят делать. Но все же приятно сознавать, что твой мужчина расквасит нос тому, кто тебя оскорбит. Это романтика. Это значит защитить того, кого любишь. В большинстве случаев слова не помогают. С людьми надо разговаривать на языке страха. К ним нужно сперва применить насилие, чтобы они тебя начали уважать. Я не знаю, почему так устроен этот мир.

«Пл.»: А что, по-вашему, мужчина должен искать в женщине?

Д. П.: Женщина должна очень любить своего мужчину. Если они по-настоящему любят друг друга, то им море по колено. Вот, например, он ест, и что-то упало на пол — ножичек или вилочка, — женщина должна автоматически поднять и вымыть. Не потому, что это женская работа, а потому, что она любит этого человека и пытается сделать его жизнь легче и лучше. А все это включает в себя и стирку, и готовку, и глажку.

«Пл.»: Теперь, когда вы достигли успеха, уважения и «Оскара», чего вы боитесь?

Д. П.: Того же, что и все, — смерти. Это все от непонимания, зачем мы все здесь, на этом свете, и что нам здесь, черт возьми, делать. Меня это всегда угнетало. Такое впечатление, что мы рождаемся с целью умереть. И в промежутке между рождением и смертью мы сидим и дрожим, чтобы поприятней скоротать время. И еще при этом спорим: кто кого трахает и кто на кого спускает! И главное — почему! И буквально, и фигурально. И все время страшно, что я не могу перестать думать об этом. Я всегда вспоминаю песню Бетт Мидлер «Роза», посвященную замечательной певице Дженис Джоплин. Там поется: «Та душа, что боится смерти, никогда не научится жить».